

должны вызвать чувства симпатии и возбудить интерес к христианству в среде высокообразованных людей, ставших безразличными к религии под влиянием веяний современной цивилизации». Н.О. Лосский, всю свою жизнь и всё своё творчество посвятил этой цели. Этот признанный всем научным миром философ, не сомневаясь, считал свой труд крайне необходимым для России и её народа. В своих трудах он гениально решил проблему так называемого «конфликта» между наукой и христианской религией. Это решение он назвал «Идеалреализмом», т.о. можно достаточно уверенно сказать, что его творческая мысль, крепко накрепко зацементировала новейшее направление в идеалистической философии, отождествляющее психическое и материальное бытие и допускающее интуитивное познание сущности вещей. Иван Ильин, приземляя это финишное решение, Н.О. Лосского, к российской действительности писал: «Задача пахла и всех грядущих поколений России: творить русскую национальную историю из христиански настроенного сердца». И.А. Ильин «Собрание сочинений» М.2006 стр.497, и если добросовестные исследователи, населяющие современное российское философско-религиоведческое пространство разделяют эту окончательную точку зрения Н.О. Лосского, всех русских иде-алреалистов и автора данного доклада, то вопрос о необходимости распознания, осмысления и популяризации данного философского решения-системы становится ещё более актуальным.

Примечания

- ¹ Лосский Н.О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. М.,1995.
- ² Лосский Н.О. Идеал-реализм // Лосский Н.О. Чувственная, интеллектуальная и интуиция. М., 1995
- ³ Лосский Н.О. Избранное (серия: из истории отечественной философской мысли)..М., 1991.
- ⁴ Лосский Н.О. Мир как осуществление красоты. Основы эстетики. М., 1998,
- ⁵ Лосский Н.О. Типы мировоззрений. Введение в метафизику // Лосский Н.О. интеллектуальная и мистическая интуиция. М., 1995.
- ⁶ Лосский Н.О. "Учение о перевоплощении". М., 1994.
- ⁷ Лосский Н.О. О характере русского народа. М.,2006.

Черных В.В.

Иркутский институт МВД РФ

КУЛЬТ ОГНЯ В МИРОВОЗРЕНЧЕСКОЙ ОСНОВЕ НАРОДОВ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Археология не может сегодня определить, когда, на каком этапе человеческой эволюции началось намеренное использование огня человеком в нашей стране. Вместе с тем можно утверждать, что в эпоху палеолита огонь уже служил людям. Убедительным примером тому являются различные археологические раскопки, в том числе и на территории России, Так, в 1961 г.

археологи Северо-Восточного комплекса НИИ Дальневосточного научного центра АН СССР производили археологическую разведку на Камчатке, Целью такой разведки являлось отыскание следов охотников древнекаменного века — палеолита. И такие следы были обнаружены на берегу небольшого Ушковс-кого озера вблизи поселка Козыревска.

Уже в четырех верхних слоях археологов ожидали приятные сюрпризы: многочисленные остатки сгоревших в огне пожаров разновременных неолитических становищ. Но самое интересное и значительное оказалось еще в более древнем седьмом культурном слое. На глубине не выше двух метров были обнаружены следы костров рыболовов и охотников на мамонтов. Эти костры обогревали древних охотников около 15 тыс. лет назад.¹

Огонь стал служить надежной защитой от холода и диких зверей, использовался в приготовлении пищи и при изготовлении простейших орудий труда.

Сложившееся к этому времени различие хозяйственных функций мужчины и женщины предопределило особую роль последней.

Мысль о том, что именно необходимость постоянно поддерживать огонь в общем очаге племени стала причиной эмоционального выделения места и роли женщины в жизни первобытного общества, высказывалась неоднократно. Мало того, она стала общим местом в теоретических построениях о культуре наших пращуров, связав женский образ с очагом тем, что именно она оберегала его пламя, в то время когда мужчины занимались многодневной охотой.

Можно допустить, что сама связь женщины с очагом была лишь символом чего-то более глубинного, нежели технологическая забота о поддержании огня. Очаг, по видимости выступал в данном случае не просто как огонь, требующий постоянной заботы о себе, но как орудие труда, посредством которого женщина превращала доставленную охотниками добычу в средство существования. Таким образом, зверь и женщина оказывались в сознании логически связанными звеньями одной общей цепочки событий, определяющих процесс добычи и реализации объекта охотничьего промысла.

Огонь, строго говоря, не относится к числу хозяйственных средств, но использование и поддержание огня, бесспорно, входило в сферу труда и обязанностей женщин. Первые доказательства его постоянного использования имеются для конца стадии питекантропов и обнаружены в стойбищах китайских питекантропов под Пекином (хотя какое-то эпизодическое использование огня было, возможно, известно и австралопитекам, о чем свидетельствуют уже упоминавшиеся обстоятельства обнаружения у них очагов кострищ выше), но для неандертальской стадии огонь, бесспорно, стал постоянным спутником жизни. Это имело два важных последствия в разных

сферах жизни неандертальцев. Первое из них связано предположительно с ролью огня, использованием каких-то смоляных факелов или просто горящих сучьев в загонной охоте на крупных хищников. Бесспорно, огонь резко увеличил эффективность охоты. Второе следствие повседневного использования огня — употребление сначала, очевидно жареной, а затем и вареной пищи. Животный белок, следовательно, начиная с конца стадии архантропов попадал в организм в наиболее пригодном для усвоения виде, что было небезразлично для эволюционного морфологического прогресса через повышение активности обмена веществ и создание более благоприятных условий для роста и развития детского поколения.² Столь значимые достоинства огня, а также непонимание его природы не могли не способствовать зарождению анимистических представлений, т.е. его обожествлению.

Особая роль женщины, заключающаяся в «сбережении огня» в эпоху палеолита, привела к ее доминирующему началу, т.е. к матриархату.³

У многих народов культ бога огня символизирует мужское начало и лишь у монголов существовала богиня огня — Ут-От, что позволяет обозначить более раннее поклонение культу огня у монголов, нежели у индоевропейских народов.

Миф о праматери Ут приводит, в частности Д. Банзаров, предполагающий, что монголы считали своих предков пионерами в освоении первичной технологии огня⁴. В нем повествуется о том, как женщиной, судя по ее имени Утэгэн (детородный женский орган), праматерью монголоязычных народов, впервые была достигнута управляемость огнем. То, что огонь творение рук женщины, считают также исследователи И.А. Манжигеев⁵ и А.Т. Шадаева⁶.

Появление огнива способствовало усилению доминированию мужчины в социуме. Необходимость в постоянном поддержании огня отпадает и символом мужчины становится, помимо оружия, и огниво. Звание хозяина огня оказывается у мужчины, и с этого момента боги огня именуются только мужскими именами. В мифах и обрядах индоевропейских народов не сохранились описания эпизодов первичного освоения огня, а более четко звучат мотивы заимствования, похищения огня, как, например, в греческом мифе о Прометее и грузинском об Амирани. Так, легенда о Прометее рассказывает, что некогда титан Прометей создал людей из глины и воды, богиня мудрости Афина вдохнула в них жизнь. Но люди не знали огня, они жили в вечном мраке и холоде, не сознавая того, что происходит вокруг них. Тогда Прометей похищает у богов огонь (ими могли считаться соседи, овладевшие технологией огня) и передает их людям.

На Украине наиболее распространенное предание доводит до нас, что первый огонь изобрели бесы в то самое время, когда они были изгнаны с

неба. При этом приводится легенда о том, как Бог со святыми Петром и Павлом, ходили по земле и неожиданно увидели костер разведенный и охраняемый бесами. Бог приложил к нему палочку, но когда она загорелась, бесы попытались ее отнять. Тогда Господь, рассердившись, ударил этой палочкой о камень, полетели искры и с той поры люди узнали, как добывать огонь из камня⁷.

Несколько иначе выглядит легенда о происхождении огня, получившая распространение в Великороссии. По ней огонь дал людям сам Бог, пославший его с небес первому человеку, изгнанному из рая и не знавшего как готовить пищу. Бог послал молнию, которая зажгла дерево, тем самым был показан способ добывания огня⁸.

Существовали также легенды, пытавшиеся примерить оба начала в происхождении огня: как небесного, так и адского. По одной из них, в частности, явствует, что до первого греха у людей огня на земле не было. После же грехопадения отворились адские ворота и вырвавшееся оттуда пламя попало на землю, распространившись, стало причинять людям вред в виде пожаров, обманывать вспышками на местах кладов, смущать появлением в воздухе бесов в виде крылатых змеев и т.п.

Если попытаться абстрагироваться от всех этих легенд и перевести полученные в них знания в научную плоскость, то напрашивается вывод следующего характера: вначале существовала длительная стадия обладания человеком случайным огнем, заимствованного им в результате каких-либо природных или стихийных катаклизмов. Затем он научился им не только пользоваться, но и поддерживать. И такое пользование огнем, исходя из всех предыдущих фактов свидетельствует о том, что добывание огня трением наступило намного позже. В пользу такого предположения говорит и тот факт, что еще в XIX в. существовали народы, не умевшие или не применявшие способов добывания огня и довольствовавшиеся поддержанием его посредством постоянного подбрасывания топлива. Такое постоянное поддержание огня имело место и у многих культурных народов, придававших огню священный характер и считавших необходимым постоянно поддерживать огонь в храме, в жилище вождя, в каждом семейном очаге. Наконец, в пользу получения огня первоначально извне, а не путем его искусственного добывания говорят многие народные сказания и мифы, о принесении огня каким-либо героем, волшебником, птицей или зверем.

Все эти сказания или мифы могут быть сведены к двум категориям: в одних речь идет, что огонь был добыт из-под земли, из преисподней, по другим — что он попал на землю с неба в виде молнии или солнечных лучей.

У некоторых народов существовало суеверное представление о летающем огненном змее (по всей видимости, связанное с падением ночных метеоритов и болидов), приносящем огонь.

У великороссов это явление связывали с галлюцинациями, которыми страдали охваченные тоской женщины, особенно молодые вдовы; этот змей считался демоном. Якобы летающий змей прилетает по ночам в виде огненно-красного шара (напоминает и явление шаровой молнии) и рассыпается в искры над печной трубой того дома, в который он намерен проникнуть. Он предстает перед женщиной в облике ее покойного мужа и проводит с ней ночи. Кроме того, он отнимает жен у живых мужей. Женщины начинают хиреть, а иногда и умирают. Очень опасно ставить женщине в упрек связь со змеем: разгневанный змей может сжечь дом⁹.

Из-под земли огонь мог быть получен только в результате извержения вулканов или самозагорания угольных пластов. Потоки лавы остывают долго, иногда несколько лет, предоставляя таким образом своеобразную возможность пользоваться огнем. Кстати, туземцы некоторых островов Тихого океана, жившие вблизи вулканов, использовали жар лавы для добывания огня, а порой готовили пищу непосредственно на горячей лаве. Жар лавы используют даже некоторые разновидности птиц, кладущие свои яйца где-то вблизи остывающих лав, чтобы избавиться таким образом от труда высиживания птенцов. Похищение Прометеем огня также связано в мифе с вулканом и, думается, это не случайно. Прометей принес огонь будто бы с острова Лемноса, с действовавшего там вулкана и именно в стебле вонючки (ассафетиды), сердцевина которой и теперь употребляется на Балканском полуострове для приготовления трута. Если вулканический огонь должен был сначала устрашать людей и обращать в бегство, то потухающий жар лавы способен был привлечь их: обогреть в холодное время, обезопасить от диких зверей, на ней можно было готовить более вкусную пищу.

С древнейших времен у многих народов мира почетное место отводилось культу огня. Ему поклонялись, его воспевали в песнях и легендах.

Почему это происходило, почему огонь, с которым мы теперь нередко боремся, находился тогда на такой высокой ступени поклонения? Ответ один — огонь был не просто источником тепла и света, он приносил неисчислимые потери и бедствия. Древние люди видели разрушающую силу огня и не знали, как противодействовать ему. В честь огня сооружались храмы и одного из богов почитали как бога огня.

Так, Б.А. Рыбаков упоминал о культе Сварожича (бога огня) под овином, где зажигался огонь для просушки снопов. Согласно народным верованиям, в яме овина живет овинник. Облик у него неопределенный, в Вологодской губернии его, например, считали человеком обычного роста с длинными,

растрепанными, дымчатыми волосами. Полагали, что он избегает людей. В Пошехонье он появляется в образе черного кота. Функции его неопределенны. Обычно ему приписывали частые пожары¹⁰.

Оберегая снопы от уничтожения огнем, славяне бросали в него не обмолоченный сноп ржи как жертву огню¹¹. Н.М. Карамзин подчеркивал, что славяне в VI в. поклоняются творцу молнии¹².

Наиболее же распространенным культом почитания огня у славян считался культ поклонения богу Перуну. Начало его зародилось еще в доисторические времена, когда древний человек, пораженный зрелищем молнии и грома, обоготворил это явление природы и тем самым положил начало поклонению огню. В Вильно до сих пор могут указать то место, где горел вечный огонь и жил жрец его охранявший, а по всему северо-западному краю великорусская «моланья» (молния) звалась не иначе, как «Перуном»¹³.

Несомненна для праславян идея святости огня домашнего очага и ритуального костра, закрепленная многовековыми языческими традициями. «Огонь, как первозданная стихия, есть обиталище божественного духа, как само божество, будучи предметом поклонения, служило для совершенствования таинств очищения и гадания. Ему молились — на очаге, под овином у костра; ему приносили жертвы. Его брали судьей при решении дел, человеку неясных»¹⁴.

Следовательно, бога огня у славян можно отнести к божествам Ойкумены, т.е. божествам среднего, населенного людьми мира. Сфера их власти и ответственности распространялась на область культурных занятий, общественных и семейных отношений, быта и среды обитания людей. У восточных славян к ойтаним божествам принадлежал Сварог (Сварожич) - бог огня, возможно, огня укрощенного, поставленного на службу человеку. Как бог огня, Сварог имел, вероятно, солнечную (ураническую) ипостась: в древнерусской летописи он представлен отцом Дажьбога-солнца¹⁵.

С древнейших времен праславяне сохранили почитание огня домашнего очага. Есть основание предполагать, что божество домашнего огня имело личный статус, на это, в частности, указывают бытовавшие в

крестьянской среде вплоть до XIX в. запреты на брань, плевание в горящую печь и на другие непотребные действия, которые оскорбляют домашний огонь. Славянское божество олицетворяло благополучие дома и охраняло прочность семейно-бытовых устоев жизни. О значении домашнего огня как средоточия идеи дома, семьи говорит то, что на Руси глава дома звался огнищанином.

Огонь представлялся славянам живым существом с весьма своенравным характером: он ест, пьет и спит подобно человеку, а, рассердившись, может и отомстить пожаром за непочтительное отношение. В Вологодской губернии об огне говорили не иначе как ласкательно: «Огонек, огонек, батюшка

огонек!». Гасили огонь на ночь со словами: «Спи, батюшка огонек!». Плевать в огонь считалось грехом, не следует и мочиться в него: огонь иссушит тебя заживо. В Подольской губернии оставляли в печи на ночь горшок с водою и полено, чтобы огню было что есть и пить. В Ровенском уезде полагали, что огни различаются между собой и имеют свои имена, например, один из огней именовался Андреем¹⁶.

Древнерусские язычники жгли костры на своих святилищах и поддерживали огонь перед идолом Перуна. Они сжигали своих мертвецов, веря, что с пламенем погребального костра те переносятся в рай. С умершим сжигались также скот, оружие, украшения, жены.

С культом огня были связаны обрядовые костры, которые зажигались не только на Рождество и Ивана Купалу, но и на Масленицу и Благовещение, а у восточных славян — в Великий четверг и иногда в Юрьев день и в Ильинскую пятницу. Древним славянским обрядом, сохранившимся почти до наших дней, было возжигание «живого огня» и его употребление как средства против эпизоотии — повальных болезней и мора скота. «Живой огонь» добывался трением сухого дерева (обычно липы, реже можжевельника) с особым ритуалом при полном молчании и с обязательным условием тушения во всем селении «старого» огня. Нередко общеславянский обряд «вытирания живого огня», когда стадо рогатого скота прогонялось между двух огней, сочетался с прогоном того же стада через специально вырытый для этого случая земляной туннель или через «земляные ворота».

Таким образом, очистительное действие огня усиливалось очистительным действием земли. В единичных случаях (на нижней Волге) скот прогоняли через проточную воду — реку, ручей, т. е. пользовались очистительной силой воды¹⁷.

Почитание огня у древних людей основано на тех революционных изменениях, которые были получены в результате овладения им. Огонь способствовал повсеместному распространению и закреплению оседлости человеческого рода, развитию земледелия. Едва ли без его помощи было возможно отвоевать у дремучих лесов площади под пашню и проложить дороги.

Первопроходцы, продвигаясь по рекам, основывали по их берегам опорные пункты, которые затем становились средоточием политической жизни и прикрытием от набегов кочевых племен.

На срубленных и спаленных участках леса появлялись огнища, они же новины, или кулиги — места пригодные для распашки. На русской земле зародился особый класс поселян — огнищан или «житых людей», хозяев-землевладельцев, крестьян, пахарей; сложился особый вид крестьянского

хозяйства, получивший название огневого или кулижного типа, характерный для всей северной лесной России и просуществовавший от времен Рюрика и до начала XX в.

Огонь, позволивший укорениться в лесах земледелию, содействовал также в степных местах развитию скотоводства посредством «напусков палов», выжигающих осенью и ранней весной луга, пастбища и покосы с целью, чтобы старая трава не мешала расти молодой и чтобы попутно уничтожались зародыши вредных насекомых до саранчи включительно.

Религиозный синдром независимо от страны, вероисповедания имел особое значение при пожаре и сказывался на деятельности людей при его тушении. Длительный пожар рассматривали как стихийное бедствие, посылаемое человеку в наказание за нарушение запретов, правил поведения и морально-этических норм, т.е. как божью кару. Это психологическое восприятие пожара связано с той ментальностью, которая складывалась у людей, символизирующих огонь с одной из основных стихий мироздания.

Символика огня имела дуалистичный характер. На одном полюсе — образ грозного, яростного, мстительного пламени, грозящего смертью и уничтожением. На другом — стихия очищающего пламени, несущего свет и тепло, воплощающего творческое, активное начало. Огонь воспринимался и как непосредственный объект языческого культа, и как посредник между человеком и божеством. Соответственно и молитвы, и жертвы огню, о которых сообщают древнерусские обличители язычества, могли быть адресованы и самому обожественному огню, и языческим идолам, и богам¹⁸.

Поскольку пожар рассматривался как наказание божье, тушить его порой считалось грехом. Наибольшее количество предрассудков порождено пожарами, возникшими от молний, так как повсюду среди славянских племен небесный огонь издревле считался священным. Если гром поражал человека, или строение, то никто их не спасал, потому что это считалось сопротивлением воле божьей. Противиться же наказанию, ниспосланному свыше, считалось крамольным, поэтому воспринимать его необходимо было с чувством умиления и благоговейной покорности: точно также людей, убитых молнией, многие считали святыми.

Именно в этот период зарождается множество предрассудков, передаваемых затем из поколения в поколение и дошедших до нас как примеры поклонения перед необузданной стихией. В языческий период укоренились представления, что дескать «кто умоется водой во время первой грозы, тот в течение целого года, не будет хворать никакой болезнью»¹⁹.

Широко было распространено мнение о том, что пожар, зажженный молнией, следует тушить молоком, если же его не хватает, то квасом, но ни в коем случае не водой: по поверью такой огонь только больше разгорается. При тушении пожара от грозы использовали также освященные предметы: бросали в пожар пасхальное яйцо или обходили с ним загоревшееся строение, кидали в огонь вербу, обходили горящий дом с зажженной четверговой свечой или с иконой Неопалимой Купины, стояли лицом к огню с иконой св. Николая (Миколы), затапливали печки в соседних домах; сравните поговорку: «дым на дым или огонь на огонь не идет»²⁰.

Принятие на Руси христианства привело к ломке многих коренных народных обычаев и суеверий. Однако к тем, которые стали образом жизни славян и в какой-то степени отвечали интересам нового верования, христианство относилось лояльно. Поэтому огонь, издревле почитаемый русскими людьми, был принят ими под свое покровительство. Проводники нового учения оценили в огненной стихии ее очистительное начало, тем самым от язычества было унаследовано признание огня как освящающей силы. В таком смысле слово «огонь» было внесено в молитвенные возношения, и несколько веков священнослужители произносили при освещении воды в навечерие Богоявления: «Сам и ныне Владыко, святив воду сию Духом твоим Святым и огнем»²¹, пока не догадались, что это серьезная ошибка, противоречащая коренному смыслу христианского учения. И только в 1626 г. было замечено отсутствие в греческих богослужебных книгах вышеупомянутого изречения, оно было тотчас изъято и постепенно исчезло из употребления.

После принятия христианства греческие священники не добившись быстрого и реального превращения славян в христиан, были вынуждены признать объективность существования всех бесчисленных славянских богов, правда, приравняв их к бесам; признать святость традиционных мест и сроков старого культа; строить храмы на месте прежних кумиров и назначать христианские праздники приблизительно на те же дни, к которым ранее приурочивались языческие. Языческие боги также претерпели определенные изменения, но присутствие многих из них, правда, в несколько ином виде было сохранено. Так, святой Илья раздвоился, с одной стороны, заменил собою громовика Перуна, а с другой — по совпадению его церковного праздника с периодом жатвы заменил прежнее божество жатвы.

В силу своей благотворности огонь, как хранитель и защитник самой жизни человека, считался еще стихией очищающей. Такое его свойство вытекало из представления о его сакральной чистоте, производной от солнца и связанной с молнией, — орудием богов для уничтожения

сакральной нечистоты. У многих народов существовал обычай, вернувшись с кладбища после погребения очиститься огнем и водой, пройдя мимо костров, потому как мир умерших — чужой мир. Языческие обычаи прыганья через костер в праздники также своеобразный очищающий ритуал.

Таким образом, представления об огне, как о духовном покровителе были связаны с периодом изначальной пиротехники. Тогда же и там же началось его обожествление, формирование его культа, в котором должны были отразиться осознание значимости огня и моменты реальной истории постижения его управляемости. Эти представления были ритуализированы в обрядовых действиях, передавались из поколения в поколения и дошли до нашего времени, свидетельствуя о древности происхождения народа и об устойчивости его культуры.

Примечания

¹См.: Макаренко В.К. Человек и огонь. Ярославль, 1982.С. 13

²См.: Алексеев В.П. Становление человечества. М.: 1984.С. 158

³См.: Левин В. Хранительницы времени и огня// Энергия. 1996.№ 3.С. 36

⁴Банзаров Д. Собрание сочинений. 2-е изд., дополн., Улан-Удэ, 1997.С.42-43

⁵Манжигеев И.А. Бурятские шаманские и дошаманские термины. М., 1984.С.72

⁶Шадаева А.Т. Некоторые проблемы этнокультурной истории бурят. Улан-Удэ, 1998.С.19

⁷См.: Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила, СПб., 1903.С.222

⁸Там же. С. 223

⁹См.: Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991,С.417

¹⁰Зеленин Д.К, Указ.соч.С. 76

¹¹Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1981.С.34

¹²Карамзин Н.М. История государства Российского. В 12-ти т. Т.1/Под ред. А.Н. Сахарова. М.: Наука, 1989.С, 76

¹³Максимов С.В. Указ.соч.С.204

¹⁴Срезневский И.И. Святилища и образы языческого богослужения древних славян по свидетельствам и преданиям. Харьков, 1846.С. 28

¹⁵История религии. В.2 т.ТЛ.М., 2002.С.261-262

¹⁶Славянская мифология: Энциклопедический словарь. М., 1995.С.284

¹⁷См.: Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982.С.116

¹⁸Славянская мифология: Энциклопедический словарь. С.284

¹⁹Максимов С.В. Указ.соч.С.204

²⁰Славянская мифология.С.316-317

²¹Максимов С.В, Указ.соч.С.213

*Щербаков Е.В.
Восточно-Сибирский филиал
Российской академии правосудия*

**ПРАВОСЛАВИЕ И ПРОБЛЕМЫ
НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ИДЕНТИФИКАЦИИ РОССИИ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ**